

Елена Ананьева

Код притяжения, или Пифагоровы штаны

Книга пятая

Незаконченная книга не по форме, а по
содержанию, как жизнь.

Продолжение следует.

*Товарищ верь, вернется празднество,
новую жизнь начинать тоже нужно.
правду искать — большое лакомство,
а лучше всего сохранить любовь и дружбу.
Елена Ананьева*

Прелюдия романа

Штрих, штрих, пробел

Всё как прежде, но всё меняется. Ничто не стоит на месте. Интересы расширяются. Иногда входят в противоречия. Одно, порой, мешает другому, сталкиваясь во времени и пространстве. Валерии Вершининой среди массы духовных дел, просто необходимых для жизни, после командировки в Мексику повезло: она отправляется в одно из самых заповедных и ранее неприступных

мест земли, для неё по крайней мере, — Тибет. Возможно, фамилия сыграла роль — получилось и на сей раз отхватить счастливый билет, вписаться в научный семинар по изучению книг, священных писаний и ритуальных принадлежностей тибетских монастырей. В подборе монастырей, опоясывающих священную гору, они несли неповторимость, собственный облик, заряд энергетики, информации.

Интересно, что до пятидесятих годов XX века Тибет был спрятан на Крыше мира, окутанный тайной и почти недоступный за пределами высокогорных гималайских территорий. Те немногие, кому удалось добраться до его столицы, Лхасы, в награду увидели достопримечательности, породившие в том числе и миф о Шангри-ла. Все тибетцы жили и умирали с верой в учения Будды, и около десяти процентов населения посвящало всю свою жизнь только молитвам и медитации. Они и сейчас все время медитируют и верят, что этим могут помочь всем живым существам достичь просветления. Это ли не верх благородства?!

Просветление — это ли не цель жизни?!

Лера открывала буддизм, как спасение сознания, в познании нового. Ее завораживают легенды и истории. Проследить бы, как пришёл буддизм в Тибет с VIII века. Здесь же собрана живая история. Эх, уйти в монастырь, что ли?!

Шутка ли... Женские монастыри всех школ тибетского буддизма в том числе, особенно ее интересуют, существуют и поныне. Читая, проживая и трагедии переворота, совершенного китайцами, отзвуки слышны и до сих пор, она сама становилась мудрее. Хотя её интересуют больше артефакты. Она ведь оставалась действующим искусствоведом и хранителем если не самих ценностей, то знаний о них. Столь замороженно проникающие в тонкую Сущность личности. Сказочные предания гласят, что в пещерных лабиринтах в горе Кайлас хранится легендарный черный камень «Чинтамани» (санскр. — *tchintamani*) с... Ориона. Это не просто камень. Уникальный посол прибыл на землю с далекой звездной системы и содержит некое вещество, считается, помогающее хранить вибрации дальних миров. Он дает лучи, проникающие через все океаны и горы, на благо людей. Много о камнях она знает и далее в повествовании есть тому свидетельства.

По легенде, записанной Николаем Рерихом, черный камень «Чинтамани» оказался в центре щита Сына Солнца, опустившегося на землю для помощи людям. Когда неожиданная тьма поглотила Солнце, Сын Солнца отчаялся, выронил щит и тот разбился при падении о землю. Камень из разбитого щита, обладающий силой мира, достался

царю Соломону. Этим камнем поочередно владели царь Соломон, правители Китая, Индии, Тибета. Черный камень обладал чудесными свойствами, способными менять мир.

«Камень темный, который заключал кристалл жизни... имеет форму расплющенного плода или сердца, удлинённой формы... На камне указываются знаки, которые то появляются, то уходят вглубь. Камень предупреждает своего временного владельца о всяких значительных событиях. Камень издает треск в особых случаях. Становится особенно тяжелым или, наоборот, теряет вес. Иногда камень начинает светиться...», писал Николай Рерих в книге «Камень», изданной в 1925 году.

...Летела на Тибет Лера не одна. Попутчиком оказался мимолетный знакомый Патрик, не святой, а ищущий отдохновение и новый земной путь. Немного шил, немного пел, немного бузил и никогда не жалел, что менял раньше женщин, как перчатки. Он сохранил царственный взгляд из-под абсолютно рыжих ресниц, рыжих волос и слегка презрительной усмешки. Но из глубины души проступало едва уловимое жалкое состояние. И вечная манера жаловаться на жизнь, что сразу удивило Лерину. Уж как ей приходилось туго, обременённая заботами и не всегда порядочными деловыми партнерами, слабыми мужьями, с

которыми жизнь, понятно, не заладилась... Всё равно, она держала «тугие паруса» Гомера, поступь и философичность. Позитив и движение. Если хочешь быть счастливым — будь! Нечто в этом роде. Не всегда получалось, жизнь брала своё, окружение давило и несовершенство, нагнетание военного противостояния между некогда братскими странами, куда от этого денешься убивало морально... Разделяло и наносило ущерб дальнейшему. Непонятность устрашает или обескураживает. Но одно есть, что не отнять — Действо. Нужно действовать. Даже присказка была: теперь разве что в Тибет! И вот сбывается. Мысль материальна! «Крыша мира» теперь покрывает и ее.

Возможность представилась.

Не святой Патрик оказался интересным попутчиком. Разговорились, летя в самолете и оказалось... также на Тибет.

Не святой искал спасение, ибо был обречён страшной болезнью. А познакомились они в зале, где выступала балерина — поэтин, Алина, свет и... Патрик прилетел к ней из Италии с цветами и надеждой соединить судьбы.

Как к ней раньше ее любимый Алекс в Марсель.

Как живо всё! Закрывая глаза в дальнем полете, она попадала в то, параллельное время...

И даже Патрик несвятой не мог ей помешать в него погружаться.

* * *

ТОСКА

*Для этой книги на
эпиграф
Пустыни сипли,
Ревели львы и к
зорям тигров
Тянулся Киплинг.*

*Зиял, иссякнув,
страшный кладезь
Тоски отверстой,
Качались, ляская и
глядясь
Иззябшей шерстью.*

*Теперь качаться
продолжая
В стихах вне ранга,
Бредут в туман
росой лужаек
И снятся Гангу.*

Лето 1917

Борис Пастернак.

* * *

«Когда мужчина вступает с вами в отношения, он думает, что вы — Дух. Это — единственная вещь, о которой вы сами забываете.

Мужчина любит женщину не из-за секса, не потому что она хорошо готовит, не потому что она хорошая мать. Он любит ее потому, что она может вывести его за рамки земного.

«Мои дорогие дочери Бога, вам предстоит кое-что сделать.

Наденьте свои доспехи, пробудите себя и идите.

Небеса преклонятся перед вами. Ангелы спустятся с неба.

Полубоги будут подчиняться вам, и Всемогущий Бог будет слушать вас.

Потому что вы — единственный путь.»

Йоги Бхаджан

«Ты знаешь, кто ты?... Ты, сидеть на вершине земли, и пальцы лучи света.» (Орф. сохранена)

Далай-Лама, Дармсала

* * *

**«Движущиеся объекты стремятся
продолжать движение.»**

Исаак Ньютон

Звучит музыка. Она звучит дома постоянно. Как заглушить боль? Как повлиять на ход событий, на ход эмоций. О настоящем что сказать? Пока ничего. Состояние взвешенности.

Но музыка звучит. И не только в душе. С музыкой у Леры особые отношения. Мелодии определяют изначально ритм мгновений, складывающихся в дни и годы. Ее музыка уже перешагнула столетия.

Понять феномен музыки — к этому стремилась пытливая душа, силясь разобраться в строении терций, аккордов, извлечений звуков. Как влияет физика? Физика звука — и здесь окружает вездесущностью. Ведь как писал Эйнштейн:

**«Настоящая наука и настоящая музыка -
требуют однородного мыслительного
процесса.»**

Издравле шёл и продолжается процесс осмысления: расшифровка Пифагором музыки Орфея только чего стоит. А вместе с этим известная притча о теореме: «Пифагоровы штаны — на все

стороны равны», — не наталкивает ли на определённые мысли в отношениях полов? И в основе лежат те же вечные чувства и отношения — а потом мюзиклы, драмы, трагедии, выливающиеся в оратории, фуги, симфонии, концерты, гимны, песни, частушки — обыкновенные музыкальные темы по системе хорд.

Сейчас и музыкальные системы пересматриваются. И музыка Баха становится углублённое по вертикале. И математики всё больше в осмыслении. А ведь, гениально, музыкальные, акустические закономерности основаны на звукоколебаниях. Ведь струна — зрима. И подлежит исследованию. Это же сказал о музыке Пифагор в VI веке до н. э.: можно определять числами интервалы, пропорции, основы гармонии. Значит, истину ищем в сочетаниях символов математических и музыкальных тонов.

А если перенести, то же самое на отношения между мужчиной и женщиной: в основе математические символы — экономика родов в сочетаниях музыкальных, пластичных либо, иных гармоничных проявлений. Это ли не основа основ?! Есть над чем подумать.

* * *

Все члены семьи разъехались кто куда.

Ее мужчины оказались слабее настолько, что их унесло и не ветром. А в мир иной. Безвременно рано ушёл любимый Алекс, чей образ часто приходит, а письма хранятся, как дорогие реликвии. Как свидетельства неподдельного чувства, которым стоит поделиться в противовес обесцениванию высоких мотивов, истинной любви и верности в современном обществе. Приверженность материальным ценностям вытравливает духовные начала.

Любимый художник Лерой остался с нелюбимой, как утверждал, женой Симой. Пришла тогда в дом и забрала, как «вещь в себе». Повод подвернулся: его мама была при смерти. Ее давно похоронили. Но повод, как утверждал редактор, найти можно всегда. Провокация также подходит для более серьезных дел. Так и живёт, грит, Валерий теперь на мансарде. Стерпится, слюбится... идеально подходит к ситуации. Хороший заголовок: «Любовь на мансарде». Ладно. Как ушел, так и пришел. Но отношения деловые и творческие, их никто не отменил. Столько трудов вложено в раскрутку. И то благо! А что?! Они же и не ссорились. Она ни с кем по сути и не конфликтовала, а так, не сходились характерами и разносило в стороны. Многие оказываются сейчас, как «переходящее знамя». Времена нестабильности диктуют. Их-то дедушки и бабушки по шестьдесят

лет прожили вместе.

Страна Украина на перепутье многих нехоженых еще дорог усовершенствования. Отношение с недавно, кажется, братской страной, на чьем языке еще говорим, раскурочены. Бикфордов шнур отношений свернули с тугой узел. Не слышите, как он распрямляется и шипит, горящий. А язык уже трещит и теснится, переплетается с другими наречиями и диалектами.

Как пишет Жванецкий: «Наши люди говорят уже на всех языках неправильно. А шо такое?...» Но какие могут быть вопросы: языки нужно учить. И говорить на языке страны, где живешь. Во всем мире так. Что затевать из-за этого конфликты?! А русский язык учить, читать, писать, учить стихи, никто не запретит. Это как с юмором раньше: на кухнях и юмор был, а пришла гласность и чего юморить?! Возможно, теперь и великий, могучий станет в этой позиции более любимый и значимый. Мы уж точно будем на нем писать, и читать, и выступать. Возраст, батенька, также диктует свои права.

Всё течет, всё изменяется, а главный, вечный герой ее романа — первая, платоническая любовь, легендарный Алекс остался с нею по всем законам физики. И если у всех нормальных людей в любви определили — химия, у нее оказалась физика. И физики. Как положено в их время: физики и

лирики. Их музыка продолжает звучать также по всем канонам.

Глава 1. Небесное путешествие

В Марселе цветущей вишневой весной, почти начала тысячелетия, они встретились. Май оказался решающий по жизни. Он — ее главной любимый — ее «астральная» звезда, астрофизик Алекс Савин. И Лерина, как она сейчас представлялась, которая не только занимается все еще арт-бизнесом, но и поэт. Он же и раньше одобрял ее стихотворения и высоко ценил. Считал, что нужно заниматься ими серьезно, больше выступать, а не продвигать других. Но большое ценится на расстоянии. Она шла своей дорогой. Не очень-то и гладкой. Сейчас приехала с группой на экскурсию, но они остались в городке рядом. С группой привычнее и удобнее. «Есть еще многое, друг Горацио...» Сейчас она освободилась от забот. Относительно, конечно. Дочки вместе. Младшая со старшей. С мужем, с которым приехала на постоянное жительство, и она привезла его по документам с собой, что имеет значение, жить, оказалось, невозможно. Получился также бикфордов узел. Чуть что, накануне взрыва... Они расстались официально, подав юристам

заявление и получив подтверждение. Но... сделано было не до конца правильно и не официально судом, где уже начали процесс развода, что потом повлекло неожиданные трудности. Нужно знать об этом. Вторично развод в суде обростает тысячными расходами, а первый раз — бесплатно. Вначале по законам Украины их начинают усиленно мирить. Под этот шумок перемирия они официально не развелись. Снова попробовали и снова, и давно уже разъехались...

...В Марсель Лера прибыла вовремя. Ей не привыкать к передвижениям. Автобус оказался лучшим и мобильным средством по всем параметрам. Старый порт Марселя. Осмотрелась. В центре у гавани, где она возьмет билеты на остров Иф, ее вторая цель написать репортаж, огромное Чертово колесо. Огромный круг, будто очертания солнца со спицами-лучами. Сидения в отдельных кружках-креслах, личных кабинетах в небесное путешествие. А рядом остановка с бликующим навесом. Одна из примечательностей Марселя. В прошлый раз, она была здесь два года назад и влюбилась в город, похожий на ее родную Одессу. Много рассказала великолепная экскурсовод Галина, которая раньше дружила с Любимовым и на Таганку была вхожа. Когда

еще Высоцкий там светил всеми красками. И с Богданом Ступкой знакома. Будто волшебница, вещающая о самых потаенных сведениях, Галина посеяла зерно возвращения в город у лазурного берега... Будто в родную Одессу, к морю. Потому и выбрали этот город у Адриатики для волнительной встречи любимых. Помнится, фея-гид рассказала, что один только навес, который и сейчас стоит, бликует, как прожектор порой, стоил пять миллионов евро. Жители возмущались: видно, он волшебный?! Просто огромный, широкий навес, подручный солнца, но защищал не только от палящих лучей, а от нашествия саранчи и голубей. Они боятся его, как живого. Люди под ним кажутся маленькими, перекатывающимися роботами, снующими взад и вперед. Рефлектирующие и будто рисующие картины движения среди планет. А если посмотреть сверху, можно себе представить зрелище. Она увидела многое. Аж дух захватило. Диорама цивилизации. Карта мира и звездного неба ночью. Во всех аспектах есть минимум две стороны. К этому мировому козырьку еще вернемся...

Неподалеку в огромных поддонах плещется живая рыба. Здесь рыбаки проводят даже аукцион редких экземпляров. Продавцы взвешивают кантором и упаковывают в

пластиковый контейнер с водой. Пусть до дома еще поживет. В отличие от немецких обитателей водоемов, которых нужно огреть палкой по голове, чтобы не мучились. Одна из рыб, а их всего в голубом бассейне осталось две уникальной ковровой раскраски, судорожно махнула хвостом и увернулась. Будто реально понимая, что ей предстоит, больно шмякнулась о разноцветную плитку, желая, видно, слиться с ее окрасом. Вероятно, нарушили их рыбий союз. Но людям еще больнее становится, когда разлетаются в разные стороны. А потом тянет друг к другу. Он, ее — не ее Алекс, захотел встретиться и решить важное. Так и сказал: важное для них обоих. Она назначила встречу в Марселе. Он хотел в Андорре. Но не по горам же всё...

Ему мало было ее ловить в родном городе. Теперь с ее отъездом, он распланировал встречи, сопровождения на параллелях и меридианах, совершенно безумные поступки, на ее взгляд. Ее это даже и раздражало: потому что нормального плана бросить всё и соединить судьбы у него на протяжении жизни не было. А если и было когда-то, то его обкрутила откуда-то взявшаяся троллиха Нелля с его уже ребенком... Будто от святого духа. Он ее не любил, а так получилось... ну, случайно... объяснялся тогда,

но смирился на годы. И ее раннее желание обрушилось при наглядной встрече с доказательствами неверности. Прошлая обида сидела глубоко и выкорчевать ее каким ломом неизвестно. Но более ранняя память и влюбленность не прошли. Они манили. Всё прощали и звали куда угодно. Память оказалась крепче самой любви. Может так?! Но вот ведь щемит как, и она ждет встречи. Она не в силах от нее отказаться. Почему нужно отказаться?!

После того, как они освободились от уз Гименея, вкусили снова свободы. Их узы оказались тяжким бременем. Его бывшая — троллиха вообще уехала из страны. Лера также давно с детьми не дома. И так уже совпало — оба сейчас свободны. Но всё же заняты своими суперважными делами. Исследованиями, его можно проводить только в лабораториях университета. Ее бурная деятельность требует известной свободы и мобильности, но подходит всюду, лишь бы интернет был. Потому снова переезжать, да еще куда, увольте! Быть вновь в подвешенном состоянии и зависимой — никуда не годится. С годами столько сделано и нет стабильности. А ломать эти жалкие постройки из самых простых материалов, если сравнивать с технологией строительства, и получать вновь что?! Снова игра жизни: что? Где? Когда?

Снова в ожидании. Что он может предложить? Нужно быть вечными, чтобы это выдерживать. Перпетуум-мобиле любви. Ведь, вот ведь какая ситуация... Они сейчас свободны оба. Что так редко на протяжении жизни совпадало. Умом, как и Россию, это не понять. Туда ей сейчас точно не нада...

Решила прокатиться на Чертовом колесе. Посмотреть сверху. Испытать себя. А может увидеть ее героя с высоты птичьего полета, приближающегося. Они немного не совпали по времени. Ничего. Уже спешить некуда. А испытаний ей не занимать. Вот уж характер азартный. Хотя она не игрок, а то шею бы сломала точно. Это гены родителей-фронтовиков проросли, но как говорят, девочки похожи на отцов. В ней он запечатлелся и, спрогнозировал, взрастил, будто пахарь посеял зерно искусства, живости восприятия и умения смотреть на всё со стороны. В целостной системе взглядов, начиная от мифов Эллады и сказаний Эдды. Пишется новый миф. Взлетаем в воздух... Разве что чепчики не бросаем.

— Бонжорно! Один билетик на аттракцион, но только счастливый! — протянула в маленькое окошечко 10 евро. Прочитала, что аттракционы из Италии. Не удивительно. Все

перемешалось здесь, в Европе. И во Франции напоминание о ее любимой, нежной, леонардовской, боттичелиевской, лореновской Италии. Где всё не так серо и сухо, где Тоскана завораживает шпалерами виноградников, сопровождающих терракотовыми террасами по обе стороны автобанов, а потом отборными винами, Кьянти или Кампари, которое каждая приличная девушка должна знать, приобщал кузен Леонид когда-то... У них почтой заведует огромная итальянка, Антонелла, вся упакованная украшениями, килограммовыми серебряными цепями и со всеми, хоть и в Германии, разговаривает по-итальянски. Грация, аванти, чао... Ее два столь же сверх большего веса сыновья, несколько не страдая, татуированные, с пирсингом и выбритыми полголовами, помогали в ее отсутствие и говорили также только по-итальянски. Часто присутствовал в зале муж, немец... Как будто другой женщины. Абсолютно умеренной полноты, наружности, ниже среднего роста, как лиллипут в стране Гаргантюа. Такой брак по-итальянски.

Франция же — песня. Шербурские зонтики, Лувр и Нотр-Дам, Монмартр, Монпарнас и гостиница с этим именем, а напротив модерна, на заброшенном кладбище могила батьки Махно

и все туристы под конец, набравшись впечатлений, спешат к ней, подумать о вечном, преходящем мире... А может подумать, зачем переписывать историю и приписывать тем, кого считали недавно отпетыми головорезами, теперь героями, с памятниками и прочими почестями. До чего так дойти можно?! В Марселе, одном из старейших городов Франции, основанном финикийцами в 600 годы до нашей эры, у моря история столь динамична! А если проехать по дорогам вдоль набережной с видом на каланки, такие сказочные инсталляции открываются в скалистых бухтах, выходящих в море. Пространство везде как пирог, расслоенное и напоенное морским воздухом.

— Для тебя, белла, все билетики будут счастливые! Вот попомнишь мои слова. Ты же выделяешься из толпы, не такая, как все вокруг. Смотри, сколько уже в паранджах запакованные, да, черными глазами зыркают... То ли еще будет! — ответил на ее приветствие по-русски молодой парень в кассе. Русские везде, где бы ни была.

— Сколько билетов, два, пять, десять? — подшутил.

— Пока что один, — и в душе Лере взгрустнулось.

Но вот заветное колесо на одной из самых

больших площадей Марселя, своеобразной «агорой». На минуту засомневалась в правильности выбора развлечения.

Не отступать же. Клацнул затвор ремня, уселась поудобнее и... понеслось вверх!

С высоты над уровнем моря залив показался картинкой с выставки в ослепительно бирюзовом Средиземном море, бликующем, будто в ателье стеклодува, с застывшими волнами белых барашков и алых антилоп в лучах полуденного солнца, летящих парусов на яхтах. Сувенирная артель. Сколько их там! Какая красота. Сколько миллионеров пришвартовали свои сокровища. А понимают ли они в чем их счастье? Ценят ли? Вопрос вопросов: быть или не быть... счастливым.

Ей же предстоит встреча с давним ее... знакомым. Если бы он ее так представил — обиделась бы. Как уже было на заре их юности. Возможно, также это определение спровоцировало расставание. На годы. Но так получилось, не навсегда. Это — любовь. Это первая любовь, которую не все воспринимают серьезно. Но у всех всё по-разному. Знаковая встреча, может быть переговоры о дальнейшей жизни. Ее это приводило в состояние также знаковое, необыкновенное. Давно такое не испытывала. Давно уже после смерти мужа одна.

Миллионная крыша навеса также бликовала и в воде отражались причудливые силуэты проходящих людей, вальяжных котов, вылезших на солнышко... А их, было видимо невидимо. Будто отдельный остров котов и кошечек образовался на солнечной стороне гавани. Такое живое, экспрессивное полотно показалось, хошь бери краски и кисти, пиши панораму залива и его обитателей. Уже только этим можно оправдать совершенно неумеренную цену крыши, по поводу которой жители подавали жалобу на мэрию в суд. Потом она подумала, что эта самая крыша, здесь в Марселе, как крыша мира — Памир. Она выполняет функцию магнита, держащего равновесие магнитных бурь, холодных ветров мистраль, отражающая шквалы и служащая магическим кристаллом. Здесь можно гадать. Предсказывать судьбу. Делать предложение и одевать бриллиант на палец невесты. Отражение унесется вверх и поступит сразу в канцелярию судеб. Станет особым миражом. И может отразиться далеко в горах?! И это она смогла ощутить, но позже.

Не случайно они здесь встретятся. А вокруг цветение гигантских олив, даже в огромных горшках-чанах на площади, высятся пальмы ростом с гигантские аттракционы взлетающих в

небо колес, лиан, увивающих стены домов и потрясающих изумрудной зеленью, древних, как горы, стволов ольховых с сережками, набирающими пух.

Сверху Лерина попыталась окинуть взглядом площадь в предчувствии ожидания любимого. Да, она любит его до сих пор. Это — любовь, а не просто так. Это изначально поселилось в душе радужное тело, при первой встрече с ним. Она поняла, что это любовь. Она то утихала, притаившись, то вспыхивала вновь. Платонические чувства оказываются сильнее. Она гордится им и понимает... Ей показалось, что он подошел к остановке. Вдруг, да, она увидела его, возвышающегося над всеми, стройного, в красной майке и белых, похоже, джинсах и белых кроссовках. Он, спортсмен, и носит только кроссовки по сезону. А сейчас май. Прекрасный месяц, не жарко и нет невыносимого мистрала. Такая же белая кепи... должно быть это он. За плечами рюкзак.

Лере захотелось скорее спуститься на землю. Кинуться сразу на шею и закрутить наконец-то уже так, чтобы сдвинуть с места этот «дирижабль» отношений. Не так всё и не то. Дождалась. Вот удивится, увидев свою златовласку, как еще называл, спускающуюся с огромного колеса... И тут успела!

Когда она спустилась на землю, то рассмотрела фигуру и огорчилась. Нет. Это был не Алекс. Спортивный мужчина, но гораздо ниже его роста. Вкрадывалось сомнение, встретятся ли они здесь. По всем подсчетам он должен был уже приехать. Ранний рейс из Москвы в Марсель и оттуда из аэропорта такси. Уже двенадцать. Скоро туристы вернутся.

Но это ее не страшит. Пусть. Дальше они поедут вместе. Впереди путешествие на остров Иф, где оживут другие истории. Она загадала, если они побывают там вместе, то это будет их остров сокровищ. Они смогут уже быть всегда вместе. А где — это уже не важно. Ведь с милым — рай в шалаше.

На всякий случай она заняла очередь в кассы порта. На катер до острова очередь, как на самолет. Следующий снова ждать минут сорок. В надежде, что как раз в первый поток они и попадут. Но на остров ей очень нужно поехать. Фильм снимал о герое Дюма «Узник замка Иф» — известный Юнгвальд-Хилькевич, режиссер их киностудии и ее приятель. Коля Седнев, ее сокурсник, не успел до развала снять выдающийся фильм, хотя подавал надежды и сценарий был подписан свыше... А Горобец Иван Иванович не вписался никак... Приходилось кое-кому стоянки машин охранять... А какая

знаменитая киностудия! Почему-то здесь вспоминались такие истории. А зачем ехать, как ни за историями. Даже из своей памяти. Во всем нужна рука свыше. Тогда и «картина маслом» появится. И «Учитель» пробьется...

Она села на скамеечку рядом с очередью и собиралась уже доставать блокнот. Нужно и репортаж привезти для газеты, в которой работала сейчас в Германии. Глянула чуть вдаль на блики залива. Красота неопишемая! Яхты в ожидании новых рейсов. Потом на площадь. Как увидела напротив зеркального навеса, будто их соединитель во свету, появился Он. Алекс. Это уже точно он. Сомнений нет. Та же фигура, рост. И она, не укладывая блокнот в сумку, рванула, развивая гриву мелированных с солнечно-рыжим оттенком волос, в тон ее платью, с белами розами и белыми же высокими ботиночками-кроссовками. Лерина стала выглядеть так, как раньше в молодежной газете, всегда в оригинальных платьицах, длинноволосая, только стильно покрашенная, не то, что раньше. Вот он, каков красавчик, не в красной майке, а в белой, в тонкую синюю полоску, с оригинальной эффектной лейбой... да, «Том и Хилфигер» на карманчике, Vambi мода, в голубых джинсах, белых найках — кроссовках, очках. Она подлетела сзади и

тронула за плечо. Закрывать глаза не получилось бы, высок, да, и в темных, тонкой оправы очках... Разве что «носиков», как тогда из газетной бумаги, не было.

Всё в душе задрожало и замерло на мгновение. Он повернулся и сразу схватил ее на руки и закружил, как маленькую. Осторожно поставил перед собой на землю. И посмотрел серьезно, пронзительно в глаза.

— Я же сказал, что приеду, Леруся! — так радостно, сдавленным с хрипотцой голосом.

— Вот и славно, трам-там-там. — Мы сейчас только съездим на остров Иф, — попыталась сдержать волнение. Вот я и очередь заняла в кассы. Надеюсь, не возражаешь. А мне репортаж писать потом и сдать нужно, — будто только недавно расстались.

— Я весь твой, — что хочешь. Только потом поедem в гостиницу. Я заказал в центре.

— Наши тоже, заказали шикарную. Четыре звезды. Но, правда, дальше. Поедем, куда скажешь. Мой милый, Алики, — как здорово, что ты здесь. И ты будто помолодел.

— И ты помолодела! Это ведь нас встреча так освежила. Годы сняла с жизненных весов.

На катере они стояли в обнимку у поручней левого борта, в предвкушении встречи с легендарным островом, и глядели на белые

«барашки» с рыжими «антилопами» солнечных волн.

Еще немного и в пору вскричать: «Земля!» Слева появился укрепленный форт, построенный дабы защитить Марсель от врагов.

Пришвартовались у огромных валунов, с мостками вверх. Вгляделась вдаль. Вот чуть дальше, вероятно, та скала, а под ней оконце, откуда выбросили графа Монте-Кристо в смертном саване аббата Фариа. Оживают страницы гениального романа Дюма. А как всё закручено по сюжету и каков географический разброс мест прежнего обитания героев, попавших в каменную темницу!

Среди камней аллейки, по дороге к замку острова, пробивались нежные майские маки, ромашки, совсем, как дома. Все будто реально и просто. А как не просто, оказывается, встретиться, даже если давно намечена и назрела встреча. На качелях с детьми раньше, он ее, будучи в отпуске у мамы на даче, будто случайно встречал, а теперь... Их словно запрограммировали, оставаться на своих «качелях» нестабильной жизни. Что очень неправильно и даже нервирует слабых, если так продолжается долго. У них — постоянно.

Внутри в крепости-тюрьме-музее инициативу взяла экскурсовод Лора, подробно

рассказывая историю создания форта в Средиземном море. Узенькие проходы и спуски в камеры, зарешеченные окна и галереи, опоясывающие колодец, совсем как в их южном городе, постройки домов с дворами внутри.

Алекс прошел на другую сторону и зашел в параллельный коридорчик. Подошел к окну, посмотрел через решетку во дворик и его, блестящая от жары и воодушевленная физиономия, с еще юношескими шатеновыми вихрами, выточенным, курносым носом и ямочкой раздвоения на подбородке, оказался пред всеми за решеткой. Лерина стояла на другой параллели, и их снова разделило пространство. Она помахала рукой и призвала потом к себе.

Через пару минут Алики стоял рядом и обнимал за плечи. Ее «Аленький Цветочек» снова с нею. Невероятно!

— Когда это закончится здесь? Уже считаю часы и минуты, как заключенный. Ты меня заточила в плен... — зашептал горячо.

— А ведь так жизнь распорядилась, и мы оказались оба в плену наших надежд и разочарований, препятствий и преодоления... Ничего, еще немного. Мы это заслужили, ответила полушутя, полусерьезно.

— Ну, ты даешь! Хотя, конечно, понимаю.

Всё не так просто.

Он сжал ее руку и погладил по узкому запястью до браслета. Посмотрел внимательно на него. Она одела в этот день тот, подаренный им на прощанье в Аккерманской крепости. Серебряный с чернением, кручеными завитками с зернью, кристаллическим сердоликом, будто три вместе лика, с разводами зеленоватых ветвей, вкраплениями капелек рябины в застывшую медовую завязь и наполовину серый-асфальтовый — наполовину прозрачно-голубиный с полосками, будто расцветкой модной шали. Разноликое чудо природы придавало ей силы и связывало сквозь годы с любимым. Она способна была помнить. Он сжал ее руку и поднес к губам.

Дорога назад показалась как долгая дорога в дюнах. На небольшом прогулочном теплоходе с названием, отдавая дань таланту Александра Дюма, «Граф Монте Кристо», шли через залив. Снова среди великолепия парусников. Бликующих огней. Нацеленных камер владельцев яхт и многомачтовых бригантин, запечатлевавших миг движения и радостные лица в основном руссо-туристо. Их тянуло друг к другу. А страсти, целеустремленность, обучение и школа выживания, знание языков и приемов медицины, гипноза, дальнейшие

приключения выплывшего, освободившегося из заключения по гнусному навету узника, ставшего потом графом Монте-Кристо, придавало желание повторять, как мантру, завораживало и настраивало на соответствующий лад. Приходила уверенность, что они также получают, наконец, желанное богатство общения и новой жизни. Рядом с островом Иф замок Монте-Кристо, где черпал бывший узник, оклеветанный Эдмон Дантес, средства на борьбу. Его побег стал знаковым. Люди пускаются в путь по крайней необходимости, особенно если назад дороги уже нет. Если бы ему не удалось бежать, ничего хорошего не получилось бы. Не было бы просто героя. Но и не было бы науки этого приключения. Дерзкого побега. Борьбы, отстаивания своих интересов, правды, чести, достоинства.

Роман превратился в легенду. Хорошо раскрученный роман всегда легенда.

Они также уже тянули минимум на половину мифа. Вторую половину еще дописать.

Прибыв к причалу и сойдя на берег с впечатлениями двух по крайней мере «Монте Кристо», героя романа и великолепной яхты, они не стовариваясь, бросили в море монетку. Вот бы повторить куда-нибудь, хоть на Аляску,

хоть в Новую Зеландию. Об этом слово уже замолвили. Остановка за «малым»... Услышав наставления гида и дальнейшие планы на завтра, раскланялись и удалились вдвоем. А группа гурьбой поспешила к автобусу. Ее знакомые и две подружки из города приветливо помахали и отправили нежные, воздушные поцелуйчики. Людей на площади осталось мало.

Идя мимо навеса, отражаясь в его высочайшей Сущности, ей показалось, что он... ожил, с нею заговорил. Оттуда с высоты. Лера услышала хлопки, которые шли только оттуда. Потом какие — то мигания. Заигрывания будто. Ей не могло показаться, но... она не стала акцентировать пока на этом внимание. Но навес уже занимал часть ее внутреннего мира, желанием разгадать его суть появления здесь. В полном объеме. Она понимала, что это не только навес остановки для пассажиров за пять миллионов евро.

На такси добрались до гостиницы «Интер Континенталь» мгновенно. Здание открылось, будто панорамный «Зимний» дворец, огромные арочные металлические ворота, лестница вверх, сплошной архитектурный ансамбль вширь лениво растянувшихся скобой зданий, по обеим сторонам завершая выступающими постройками классического типа, гимном